

Он искренне полагал, что после того, как его вернули обратно и все дела уладились, уровень заполнения энергии Осколка Первородного Духа достигнет ста процентов, и этот мир будет завершен. Кто же мог предвидеть, что впоследствии Му Цинли стремительно пойдет в гору и постепенно вытеснит со своего поста его отца Му Цюаньсун, а Е Фанцзин даже женится на Ян Хуэй и обзаведется детьми, но полоса прогресса души Му Цинли так и застрянет на отметке в девяносто девять процентов.

Как бы он ни старался, перешагнуть заветную сотню не удавалось.

Из-за этого Е Фанчэню изо дня в день приходилось жить в мучительных сомнениях, опасаясь, что Му Цинли в один прекрасный момент сорвется от злости и во сне прирежет его одним ударом.

Пока шкала прогресса не заполнится до конца, его собственная смерть приведет не только к провалу извлечения души Му Цинли, но и к его собственной гибели, а его Первородный Дух окажется изгнан в Нижний мир без надежды на возвращение.

И вот в один из таких дней Му Цинли внезапно вошел в комнату, бережно неча пиалу с отваром.

Его внешний вид выглядел крайне потрепанным: волосы растрепаны, лицо совершенно лишено красок, а на небесно-голубых одеждах расплывались огромные багровые пятна крови.

Е Фанчэн, сидевший за столом и убивавший время за скучным чтением книги, от неожиданности подскочил со стула, а в его глазах читался такой ужас, перед которым бледнел даже испуг тяжело раненого Му Цинли:

— А-Ли, что с тобой случилось?!

С тех пор как Му Цинли узнал, что для выполнения задания Е Фанчэн обязан находиться рядом с ним, и что тот даже без всяких ограничений не собирается сбегать, он уже очень давно не заковывал его в те цепи.

Глядя на неподдельную заботу в глазах Е Фанчэня, Му Цинли, у которого слегка гудела голова, даже не стал утруждать себя размышлениями о подлинном значении этой тревоги и прямо ответил:

— Встретил Четвертого вана.

Того самого Е Фанминя, который годами находился в бегах и никак не поддавался аресту.

Му Цинли возвращался из Императорского дворца в загородную резиденцию, когда уже за городской стеной дорогу ему преградил Е Фанминь. Взгляд противника был холоден, в нем

читались неприкрытая враждебность и ненависть, а выхватив меч, тот сразу же бросился в атаку.

Мысленно возвращаясь к пережитым на дороге опасным мгновениям, Му Цинли пренебрежительно махнул рукой и добавил:

— Да пустяки. Он хотел убить меня, но я убил его.

Эти слова вовсе не были попыткой утешить Е Фанчэня: прожив в Море совершенствования столько времени, он научился постоять за себя, даже несмотря на то, что это тело никак не удавалось укрепить. Просто боевые навыки Е Фанминя оказались лучше, чем он предполагал, да и сил у того было больше, так что, хотя в конце концов ему с большим трудом удалось одержать верх, на его собственном теле осталось немало смертельных ран.

Его лишь немного смущали те слова, которые Е Фанминь прохрипел перед самой смертью, в упор глядя на него.

Му Цинли, тебе не следовало появляться здесь, тебе не следовало продолжать жить.

Эти слова, произнесенные сквозь кровь, были преисполнены глубокой зависти и злобы.

Значит, его догадки на банкете в честь дня рождения были верны, и людей Е Фанминя действительно подослали, чтобы покончить с ним.

— Тогда почему ты сначала не обратился к лекалю? — ошеломленно глядя на него, спросил Е Фанчэн, не веря, что вместо того, чтобы заняться ранами, этот человек первым делом вернулся домой.

Вернулся ладно, так еще и отвар варил?

Ход мыслей Му Цинли всегда оставался непостижимым.

Придерживая пиалу обеими руками, Му Цинли долго смотрел на него в упор, а затем легко усмехнулся:

— Незачем, хлопотно.

С этими словами он опустил взгляд на еще исходивший паром целебный отвар и легкомысленным тоном произнес:

— Впрочем, уже почти все равно.

Это тебе, выпей.

Му Цинли неожиданно протянул пиалу с лекарством Е Фанчэню.

Е Фанчэн в нерешительности взял ее, но пить не спешил — ровно до того момента, пока в его голове не прозвучал уведомительный голос Системы Небесной Книги:

— Поздравляем, уровень заполнения энергии Осколка Первородного Духа целиком достиг ста процентов, начинается процесс извлечения Осколка Первородного Духа.

Только тогда он примерно догадался, в чем дело, со сложным выражением взглянул на казавшегося неестественно спокойным Му Цинли и поднес к губам отвар, который вполне мог оказаться ядом.

Не сводя глаз с послушно пьющего лекарство младшего ученика и не пропуская оповещения нежного голосочка, Му Цинли перед самым донышком пиалы вдруг протянул руку, отобрал у того чашу и сам припал к ней, осушая последние капли горькой жижи.

Е Фанчэн нахмурился, собираясь заговорить, но тот вдруг притянул его за шею к себе и тут же прижался губами к его губам.

Его рот, слегка приоткрывшийся от удивления, легко поддался напору Му Цинли, и застрявший на языке горький лекарственный отвар перетек в его рот, заставляя проглотить его именно таким способом. Му Цинли не отпустил его сразу, напротив, запрокинув голову, он углубил поцелуй.

Ему хотелось вложить в это движение всю накопившуюся бурю эмоций, но из-за ускользающих сил и все более затуманенного сознания тело отказывалось подчиняться.

Лишь когда по телу Е Фанчэня прокатилась волна боли, словно внутренности терзала стая ядовитых змей, следом за этим нерешительно прозвучала очередная фраза от Системы Небесной Книги:

— Задание выполнено, общий прогресс сбора Первородного Духа целиком достиг сорока четырех процентов, идет подготовка к покиданию мира.

Одновременно с этими словами до него донесся почти бесплотный, но при этом предельно решительный голос Му Цинли:

— Все обиды и счета одной жизни остаются в этой жизни.

Двойная боль от яда и ран неумолимо погружала Му Цинли в темноту, он отпустил Е Фанчэня

и, прежде чем окончательно оборвать все нити, тихо проговорил:

— Прощай, я отпускаю тебя.

А заодно отпускал и самого себя.

В следующей встрече он уже предельно четко будет знать, какова его цель.

Му Цинли: Моя цель, разумеется, — звезды и море, вершина жизни, покорение мира и спасение самого себя.

Дуаньму Бо: Нет, ты здесь для того, чтобы крутить со мной роман, так что изволь признать этот факт.

Му Цинли: ?

#Получите полный набор всевозможных искуплений грехов после жестокого обращения#

#Первый мир подошел к концу! Завтра начнется новый мир, хи-хи-хи#

#Меняем настрой и продолжаем дразнить никчемного любовника, погнали (нет)#

Ты всего лишь замена для него (часть первая)

Бум! Бум! Бум!

— Му Чэнхуэй, выходи немедленно, я знаю, что ты прячешься там!

Му Цинли проснулся от барабнящего в дверь стука, похожего на попытку разнести дом по кирпичикам. Между раскатистыми ударами явно слышались жалкие, надрывные всхлипывания мужчины средних лет.

Он с трудом разлепил веки и, к полнейшему своему неудивлению, обнаружил, что снова очутился в каком-то незнакомом месте.

Вот уж поистине: на сей раз ему были незнакомы даже окружающие предметы.

Му Цинли окинул взглядом белые стены и длинный плоский предмет на потолке, излучавший свет, испытав мимолетное замешательство. Лишь когда переживания и воспоминания, принадлежавшие этому телу, постепенно слились с его собственным сознанием, он словно без

всякого обучения осознал, что это за мир и что представляют собой эти странные вещицы, каких он отродясь не видывал.

Эта светящаяся длинная штука называлась лампой, черный прямоугольный предмет — телевизором, способным транслировать передачи, а все остальное являлось типичной планировкой жилища этой эпохи.

Воспоминания нового тела позволили Му Цинли быстро сориентироваться в обстановке.

Проще говоря, после того как в прошлой жизни они с младшим учеником Е Фанчэнем оба погибли, его сознание успешно переродилось, перене вместе с ним в мир, где существовал еще один осколок его Первородного Духа. Этот мир разительно отличался и от Мира совершенствования, и от прежней эпохи, по-видимому, являясь так называемым современным веком нового столетия. Технологии здесь шагнули невероятно далеко: людям больше не нужно было полагаться на повозки, запряженные лошадьми, вместо этого они пользовались огромными четырехколесными ящиками, передвигающимися с куда большей скоростью.

— Му Чэнхуэй, хватит прятаться как последняя трусливая крыса, выползай и возвращай долги!

Пока Му Цинли сидел на краю кровати, погруженный в раздумья и переваривающий воспоминания нового мира, в дверь снова забарабанили с грубой силой. Недовольно поморщившись и с брезгливостью оглядев собственную рубашку, пропахшую алкоголем, он поднялся на ноги и направился к выходу.

Жилище оказалось небольшим — скромная двухкомнатная квартирка с гостиной, но на удивление аккуратной и чистой.

Под новые удары в дверь мужчина средних лет, сжавшийся в комок на диване, жалко вздрогнул. Сам он выглядел неопрятно и опустившийся: волосы растрепаны, сальные, словно их не мыли несколько дней; на морщинистом лице с землистым оттенком кожи застыли жалкие следы слез.

Заметив вышедшего из комнаты Му Цинли, мужчина тут же зарыдал:

— А-Ли, ты должен спасти отца, иначе те люди и впрямь отрубят мне руки и ноги!

Поразмыслив, Му Цинли заключил, что перед ним, судя по всему, и есть его никчемный отец-игрок Му Чэнхуэй.

Му Чэнхуэй с самого детства Му Цинли, сколько тот себя помнил, неизменно оставался конченным игроком. Еще когда мальчик ходил в детский сад, отец целыми днями слонялся без дела, пропадая где-то на гулянках и за азартными играми. Проиграв все подчистую, он возвращался домой мертвецки пьяным и требовал денег у жены. Его супруга работала

скромным клерком с фиксированным жалованьем, и хотя ее должность в компании не назовешь совсем уж ничтожной, ее доходов явно не хватало, чтобы покрывать безумные аппетиты мужа.

В конце концов мать отказалась давать ему деньги:

— Му Чэнхуэй, ты вообще в своем уме? Если так пойдет и дальше, вся семья пойдет по миру с протянутой рукой!

Тогда этот папаша-лудоман дождался, пока жена уйдет на работу, нашел ее припрятанное приданое и сбыл все ради новой порции денег на игру. Именно после этого случая жена окончательно в нем разочаровалась: оставив сыну квартиру, она заставила Му Чэнхуэя подписать соглашение о разводе.

Хотя мать Му Цинли не была к нему холодна, ее вера в семейную жизнь рухнула окончательно из-за выходок отца. Подписав бумаги, она ушла, даже не взяв мальчика с собой, но каждый месяц исправно перечисляла деньги на содержание поступившего в начальную школу сына, чтобы тот не умер с голоду, брошенный беспутным отцом на произвол судьбы.

Получив права на квартиру, Му Чэнхуэй тут же продал ее за кругленькую сумму, снял дешевую квартирку вместе с маленьким Му Цинли и продолжил прежнюю жизнь, полную пьянства и азартных игр. Оставшись без матери, Му Цинли замкнулся в себе, став молчаливым и необщительным.

С началом учебы в университете он съехал от Му Чэнхуэя, поселившись в студенческом общежитии, и с тех пор совмещал упорную учебу с тяжелой подработкой. Получив диплом и устроившись на постоянную работу, он скопил достаточно денег, чтобы арендовать жилье в одиночку, окончательно порвав все совместные бытовые связи с Му Чэнхуэем и сведя общение к минимуму.

Вплоть до сегодняшнего дня.

— А-Ли, помоги отцу, папа и правда всё понял, клянусь, больше никогда не сяду за игру! — заметив холодный взгляд, брошенный сыном, Му Чэнхуэй смертельно испугался, что ребенок действительно оставит его на произвол судьбы, и, бросившись вперед, вцепился в его руку, преграждая путь к туалету.

Никаких теплых чувств к столь никчемному родителю Му Цинли не испытывал. Напротив, в силу наложившихся воспоминаний он чувствовал к нему лишь отвращение и презрение.

И все же, не выдержав назойливого липкого попрошайничества Му Чэнхуэя, он подошел и открыл дверь.

На пороге стояли четверо или пятеро парней с насквозь неприятными физиономиями: их тела украшали странные татуировки, а волосы были выкрашены в цвета радуги, отчего в глазах рябило.

Стоявший во главе компании невысокий парень — примерно на голову ниже самого Му Цинли — с сигаретой в зубах и дерзким макияжем на глазах окинул его оценивающим взглядом и бросил:

— Ты сын Му Чэнхуэя? Твой старик задолжал нам кругленькую сумму. По подписанному им соглашению, раз папаша расплатиться не в состоянии, долг возвращаешь ты.

Му Цинли бесстрастно поинтересовался:

— Сколько он должен?

— Немного, всего-то восемь миллионов.

Му Цинли: ?

Этот отброс Му Чэнхуэй не стоил и половины этой суммы, даже если бы продал собственного сына! Как вообще можно было проиграть столько, чтобы накопить подобный долг?

Голова, только начавшая болеть после похмелья, запульсировала с новой силой. Он никак не ожидал, что человек, привыкший ни в чем себе не отказывать, едва ступив на землю этого мира, окажется обременен столь гигантскими долгами.

Оглянувшись на дрожащего в кресле старика, он позеленел от злости.

Тем временем гости из коридора, вооружившись банками с красной краской и массивными дубинками, выглядели так, будто твердо намерены не уходить без денег.

В эпоху, когда за драку можно было мигом угодить под арест, Му Цинли сдержался от применения грубой силы:

— Восьми миллионы у меня нет. Сейчас на руках есть только сто тысяч, можете забрать их в качестве аванса, а нам дайте немного времени на передышку.

С этими словами он развернулся, отыскал в комнате чековую книжку, выписал нужную сумму и с холодным видом протянул ее развязным хулиганам.

Курильщик вновь смерил его взглядом, скривил губы в усмешке, выдернул чек из его рук и

бросил:

— Ладно, эти сто тысяч пойдут в счет процентов, даю вам еще неделю. Если через неделю денег не будет, я заберу вас обоих и продам в рабство!

Бросив на прощание многозначительный взгляд, от которого Му Цинли передернуло от отвращения, банда удалилась.

Хлопнув дверь с такой силой, что Му Чэнхуэй снова испуганно подпрыгнул, Му Цинли направился прямо в уборную, не удостоив отца даже взглядом, и плеснул на лицо холодной воды.

Его нынешний статус в этом мире ограничивался должностью рядового офисного клерка с годичным стажем и жалованьем в несколько тысяч юаней, а имя и внешность почти не отличались от двух предыдущих воплощений. Те сто тысяч, что он только что отдал, были последними накоплениями, с трудом собранными после ухода из дома — и их хватило лишь на погашение процентов по долгам этого бестолкового родственника.

Глядя на свое отражение в зеркале, Му Цинли погрузился в мрачные раздумья.

Интересно, прибыл ли сюда его младший ученик? Если осколок его души действительно здесь, то и младший брат непременно отыщется, остается лишь гадать, какую личину на сей раз приняла его душа.

На нем все еще была та же белая рубашка и черные брюки, в которых он возвращался со службы. Накануне, вернувшись домой навеселе, он наткнулся на скулящего у дверей Му Чэнхуэя, который продрог на холодном ветру, и только из жалости впустил его внутрь.

Тихо вздохнув, он с досадой подумал, что в качестве работающего человека безнадежно опоздал на службу.

В этот самый момент боковым зрением Му Цинли заметил в мусорной корзине у ног смятый в комок лист бумаги.

В памяти зашевелилось что-то упущенное, не прочитанное до конца, и он автоматически выудил бумагу из корзины, обнаружив на обложке напечатанные крупным шрифтом три заветных иероглифа: Договорной контракт.

Бросив беглый взгляд на пункты и условия внутри, он понял, что перед ним классический контракт любовника.

Му Цинли приподнял брови и, сопоставив документ с указанной там суммой с внушительным количеством нулей, неожиданно подумал... а ведь этот его сын Му Чэнхуэй, пожалуй,

действительно стоил подобных денег.

Тут же в памяти всплыла причина, по которой это тело напилось до беспамятства перед его перемещением.

Новый генеральный директор компании положил глаз на Му Цинли.

Точнее говоря, шефу приглянулась его внешность, и он властно, не терпя возражений, потребовал, чтобы тот стал его карманным контрактным любовником.

Эта история началась буквально несколько дней назад.

#Вот оно, новое начало, новая драма страстей, властный президент и его контрактная замена-любовник AwA#

Му Цинли: Посмотрим еще, кто кому здесь замена.

Дуаньму Бо:?

#Мысли никчемного любовника: Ох, снова это знакомое чувство моральной усталости. #

Ты всего лишь замена для него (часть вторая)

Му Цинли работал в крупной публичной компании, куда незадолго до того неожиданно свалился молодой генеральный директор: высокий, с идеальными пропорциями фигуры вроде широких плеч и узкой талии, от которых у окружающих захватывало дух, и утонченными чертами лица с примесью четверти британской крови, заставлявшими коллег восторженно шептать: я готов отдать за него всё.

Короче говоря, это был невероятно красивый мужчина по имени Линь Тяньчэнь.

Как раз подошло время ежегодного банкета компании, совпавшего по срокам с празднованием вступления нового главы в должность, поэтому торжество решили устроить в роскошном гранд-отеле. Как примерный сотрудник, стабильно получавший премиальные по итогам года, но при этом страдавший замкнутостью и избегавший шумного общества, Му Цинли все же посетил корпоратив.

Хотя в стенах компании он вел себя тихо и незаметно, благодаря доброжелательному отношению к коллегам и руководству, а также отменным профессиональным навыкам, недостатка в желающих выпить с ним и перекинуться словечком не было. Особенно после того, как он получил годовую премию, поздравления и тосты посыпались один за другим.

Саму премию ему вручал лично новый генеральный директор Линь Тяньчэнь. Сам Му Цинли не испытывал к шефу особого интереса, однако в момент вручения чека взгляд Линь Тяньчэня сделался странным, словно тот обнаружил редкую диковинку: его темные, глубокие зрачки впились в него в упор, заставив сотрудника одновременно напрячься и растеряться.

Впрочем, Му Цинли быстро выбросил этот эпизод из головы и вернулся к еде и напиткам. Правда, в тот день он уже был болен — простуда с высокой температурой подкосила его организм, но ради премии он решился выйти в свет больным. Изначально он планировал сразу после получения чека откланяться и уехать, но из-за обилия выпитого алкоголя его самочувствие окончательно рухнуло, и ему пришлось подняться наверх, в гостиничный номер, чтобы передохнуть.

В ту минуту, когда в комнату, охваченный жаром и легкой дымкой опьянения, вошел Линь Тяньчэнь, Му Цинли уже забылся тяжелым бредовым сном из-за температуры. По всей видимости, директору подсыпали какое-то средство, и лишенный ясности рассудка мужчина, едва переступив порог и завидев его, то ли спутал с кем-то, то ли просто потерял контроль, лишив его возможности сопротивляться.

Проснувшись наутро, он столкнулся с весьма неприятными последствиями.

И без того хворавший Му Цинли после ночных безумств мучился ужасной мигренью, а его голос охрип до неузнаваемости.

Открыв глаза, Му Цинли в первые же секунды увидел мужчину в халате с влажными после душа волосами, который сидел в кресле у кровати и буравил его недобрым взглядом.

Линь Тяньчэнь с мрачной физиономией человека, который сначала перешел все границы, а потом решил сделать виноватым другого, поднялся, грубо сжал его за подбородок и с ледяной усмешкой произнес:

— Понял, что похож на него, и решил подобраться ко мне таким путем? Ха, какой изощренный расчет.

Этот человек унаследовал от аристократичных предков внешность и породу, но напрочь растерял все манеры и элегантность.

Накинув пальто и вновь обретя безупречно холодный, строгий вид, Линь Тяньчэнь прямо на месте выписал чек на миллион, швырнул его на постель и с брезгливостью бросил:

— Разве ты не ради денег изо всех сил старался закрутиться со мной? Забирай.

Сохраняя абсолютное спокойствие, Му Цинли прямо на глазах Линь Тяньчэня разорвал чек в клочья, после чего молча уткнулся лицом в подушку, решив поспать и даже не взглянув

больше на директора, чем привел того в бешенство.

Он понятия не имел, о чем вообще толкует Линь Тяньчэнь. Он всего лишь хотел спокойно отдохнуть в номере, и это еще ему следовало спросить, откуда у шефа взялся ключ-карта от его комнаты и почему тот ворвался внутрь, чтобы... чтобы бесцеремонно нарушить его волю. Пострадавшей стороной являлся он сам, однако, поднявшись с постели на больных ногах, он вместо извинений услышал лишь упреки — сплошная несправедливость.

Властный президент хлопнул дверью и удалился, а Му Цинли взял на работе внеплановый больничный на несколько дней.

Он был уверен, что после подобного инцидента его незамедлительно уволят. Но прошло несколько дней, а вестей не было; напротив, в первый же день после выхода на службу Линь Тяньчэнь лично вызвал его в свой кабинет.

Хмуро глядя перед собой, директор швырнул на стол перед ним ту самую папку — тот самый договорной контракт, который переродившийся Му Цинли позже выудил из мусорной корзины.

— Что это значит, генеральный директор Линь? — поднимая документ, дрогнувшим голосом спросил Му Цинли.

<http://bllate.org/book/22175/2310360>